

*Адриану,
который изменил мою жизнь
в лучшую сторону*

Пик Чудотворца *

ЛУННЫЕ ГОРЫ

лес Дойя

Храм Солнца *

Большая Пряная Дорога

Самаран

Аланди

Самаранский перевал

Ниянь

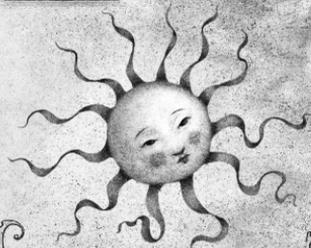
Тансунь *

Пустыня Халакмарат

РЕКА ЦЗИНАНЬ

Летний дворец

ПОЮЩИЕ ГОРЫ

Агория

Балар

море Шайцзинь

дворец шаньсэня

Северная Аланди

Королевство
Кията

Осенний дворец

Цзяпур

Весенний дворец

Зимний дворец

ТУРСКИЕ ГОРЫ

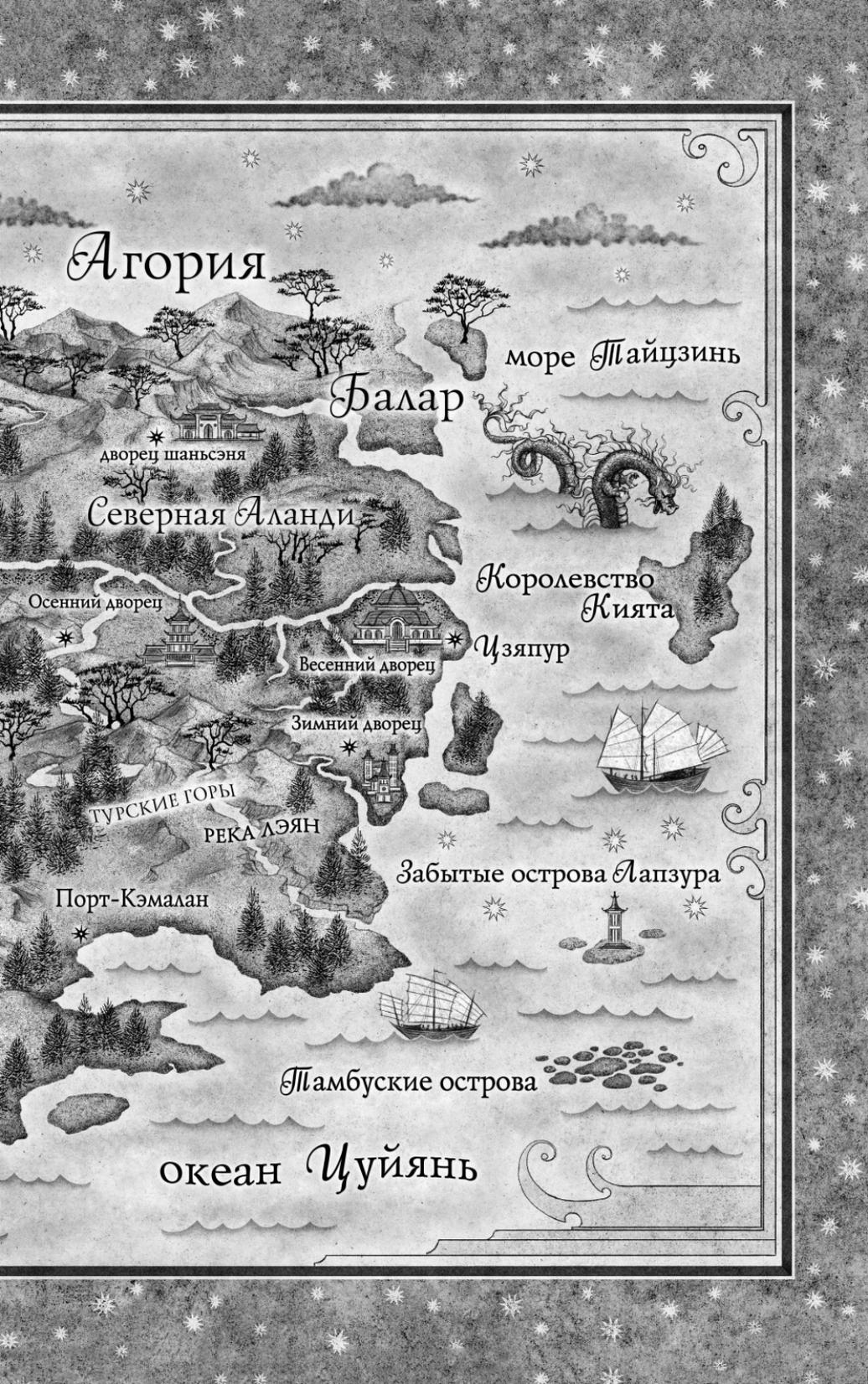
РЕКА ЛЭЯН

Забывтые острова Лапзура

Порт-Кэмалан

Шамбуские острова

океан Цуйянь

Попросите меня сплести лучшую пряжу или нить, и я справлюсь быстрее любого — даже с закрытыми глазами. Но вот когда нужно плести ложь, я начинаю запинаться и мямлить.

Никогда не умела выдумывать сказки.

Мой брат Кетон знает это, как никто другой. И хотя, пока я рассказываю — о трех невозможных заданиях, которые мне поручили; о демонах и призраках, встреченных мною в пути; о чарах, наложенных на нашего императора, — его брови пару раз ползут вверх, брат мне верит.

А вот отец нет. Он видит насквозь тени, за которыми я прячусь. Видит, что за улыбкой, которой я одаряю Кетона, скрываются покрасневшие глаза. Припухшие от долгих часов, а то и дней рыданий. Чего он не видит, так это того, что, несмотря на подсыхающие на щеках слезы, в моем сердце — сталь.

Мне страшно подходить к завершению рассказа, ведь там полно узлов, которые я так и не набралась храбрости отрезать. Вдалеке слышен бой барабанов. Они приближаются с каждой секундой — волнительное напоминание о том, как мало времени у меня осталось, чтобы сделать выбор.

Если вернусь, то оставляю себя позади. Я больше никогда не встречу семью, никогда не увижу свое лицо в зеркале, никогда не услышу свое имя.

Но я пожертвовала бы солнцем, луной и звездами, лишь бы спасти его. Безымянного юношу, у которого, однако, тысяча имен. Юношу, чьи руки запятнаны кровью звезд.

Юношу, которого я люблю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСПЫТАНИЕ

ГЛАВА 1

Однажды у меня было три брата. Финлей был старшим и самым смелым. Ничто его не пугало: ни пауки, ни иглы, ни угроза порки отцовской тростью. Он был самым быстрым из нашей четверки — настолько, что мог поймать муху большим пальцем и наперстком. Но добавок к его бесстрашию шла жажда приключений. Ему претило работать в нашей лавочке, тратить драгоценное дневное время на пошив платьев и штопанье рубашек. Брат небрежно обращался с иглой, из-за чего его исколотые пальцы постоянно были обвязаны бинтом, а труд — испорчен неровными швами. Швами, которые я распарывала и накладывала заново, чтобы спасти его от папиных нотаций.

Финлею не хватало терпения, чтобы стать портным, как отец.

Сэндо хватало терпения, но не для шитья. Мой второй брат был поэтом в нашей семье, и единственное, что он любил сплетать, — это слова, особенно о море. Сэндо с такими изысканными подробностями описывал прекрасные платья, которые шил отец, что их желали купить все дамы в городе, но лишь обнаруживали, что этих платьев не существует.

В качестве наказания отец заставлял его сидеть на пирсе за нашей лавочкой и распутывать нити из коконов шелкопрядов. Я частенько прокрадывалась к нему, чтобы послушать рассказы о том, что находилось по другую сторону этого бесконечного водного горизонта.

— Какого цвета океан? — спрашивал меня Сэндо.

— Синего, глупенький. Какого же еще?

— Как ты станешь лучшей портнихой в Аланди, если не разбираешься в цветах? — Сэндо покачал головой и показал на воду. — Посмотри еще раз. Всмотрись в глубину.

— Сапфирового, — ответила я, разглядывая небольшие океанские гребни и впадинки. Вода искрилась. — Сапфирового, как камни, которые леди Тайнак носит на шее. Но есть и намек на зеленый... нефритовый. А пена на волнах напоминает жемчуг.

Брат улыбнулся.

— Уже лучше. — Он обнял меня рукой за плечи и крепко прижал к себе. — Однажды мы с тобой будем бороздить моря, и ты увидишь все оттенки синего в мире.

Благодаря Сэндо синий стал моим любимым цветом. Он разбавлял белизну моих стен, когда я открывала окно поутру и видела море, сверкающее на солнце. Сапфировое или лазурное. Бирюзовое или индиговое. Сэндо натренировал мои глаза различать разные оттенки одного цвета, одинаково ценить и блекло-коричневый, и ярко-розовый тона. То, как свет мог преломлять что-то на тысячу возможностей.

Сердце Сэндо принадлежало морю, а не ткачеству, как сердце отца.

Кетон был моим третьим братом и самым близким ко мне по возрасту. Его песни и шутки всегда порождали смех, независимо от настроения. Он вечно попадал в неприятности за то, что красил наши шелка в зеленый вместо фиолетового, беспечно наступал грязными сандалиями на недавно выглаженные платья, забывал полить шелковицу и никогда не прял пряжу достаточно аккуратно, чтобы отец мог связать из нее свитер. Деньги утекали сквозь его пальцы как вода. Но папа любил его больше всех — даже невзирая на то, что Кетону не хватало дисциплины, чтобы стать портным.

А еще была я — Майя. Послушная дочь. Мои самые ранние воспоминания были о том, как я, довольная, сидела на коленях у матери, работающей с веретеном, и слушала, как Финлей, Сэндо и Кетон играли на улице, пока отец учил меня сматывать мамину нить, чтобы та не спуталась.

Мое сердце принадлежало ткачеству: я научилась продевать нить в иглу раньше, чем ходить; научилась делать идеальные стежки раньше, чем говорить. Я любила рукоделие и с радостью перенимала папино мастерство, вместо того чтобы гулять с братьями. К тому же, когда Финлей учил меня спаррингу и стрелять из лука, я всегда промахивалась мимо цели. Несмотря на то что я впитывала, как губка, все сказки Сэндо о призраках, рассказывать их самой у меня не получалось. И сколько бы старшие братья ни предупреждали меня о них, я всегда велась на розыгрыши Кетона.

Отец гордо заявлял, что я родилась с иглой в одной руке и ножницами в другой. Что не будь я де-